
ЕВРОПА: НОВЫЕ РЕАЛИИ

КРИЗИС ЛЕВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2018 г. К. Холодковский

ХОЛОДКОВСКИЙ Кирилл Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (holgrig@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 10.05.2018.

Статья рассматривает один из важнейших аспектов эволюции политического пространства стран Запада. Возникшее более двух веков назад деление на *левых* и *правых* под влиянием исторических событий и развития общества трансформировалось в направлении большей умеренности – соперничества и сотрудничества лево- и правоцентристов. В последнее десятилетие в условиях глобализации и экономических трудностей проявился серьезный кризис левоцентризма, осложненный появлением в политическом пространстве завоевывающих очевидный успех популистских сил. Происходящая перестройка политической системы западных стран может повлечь за собой существенные перемены их политического курса.

Ключевые слова: левые силы, Западная Европа, Латинская Америка, коммунисты, социал-демократы, демократический социализм, реформизм, левоцентризм, Т. Блэр, популизм, изменения курса.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-26-35

Одним из наиболее заметных проявлений происходящей в странах Запада перестройки политической системы является неоспоримый кризис того компонента политической жизни, который можно назвать левой или левоцентристской политикой. Симптомы этого кризиса начали накапливаться давно. Но до последнего времени этот кризис затухал сложным маневрированием на левом фланге политического пространства, сохранявшим противовес правым и правоцентристским силам и не позволявшим им претендовать на монопольное положение. В настоящее время этого уже оказывается недостаточно.

ЛЕВЫЕ В ИСТОРИИ

Как известно, деление на левых и правых в политике возникло во время Великой Французской революции XVIII в. и обозначало водораздел между сторонниками и противниками старого режима, между консерваторами и революционерами разных мастей. Такое различие сохраняло свою действенность в течение всей эпохи утверждения капитализма, обрастая все новыми идеологическими обоснованиями и политическими нюансировками. Но уже тогда обнаружилось значительное усложнение понятия “левый”, смысл которого все более смещался от оппозиции старому, добуржуазному обществу или его рудиментам к противостоянию с “передовых” позиций основам нового, капиталистического общества.

В связи с этим среди левых сил отчетливо проявилось разделение на меньшинство, отста-

ивавшее более прогрессивный вариант этого общества, и все растущее большинство, знаменем которого становилась идея смены общественной формации, идея социализма. Если в первой половине XIX в. речь шла о различных вариантах утопического социализма, то во второй его половине в Европе, а в XX в. и в Латинской Америке, где, по выражению К. Майданика, недавняя история во многих отношениях представляет собой “сжатую” историю Западной Европы XIX–XX вв. [1, с. 27], эту роль все более уверенно стал выполнять марксизм разных толков.

В то же время среди левых сил все более явно обозначалось размежевание на революционеров и реформистов. Их разделяло различие представлений о путях и методах перехода к желаемым целям – быстрых и насильственных, в духе идеализируемых ими якобинцев, или постепенных, сравнительно мирных и безболезненных при сохранении демократии и других, уже достигнутых обществом, завоеваний.

Все это хорошо известные факты. Но важно напомнить о них сейчас, когда вновь встал вопрос о месте и роли левых сил в политической жизни стран Запада.

В XX в. в европейском макрорегионе окончательно оформились три основных отряда левых, которым принадлежала разная роль в функционировании политического механизма. Явно миноритарным из них, в отличие от латиноамериканских стран, в Европе были “буржуазные” радикалы, целью которых стало расширение объема свобод, имманентных капиталистическому обществу. На другом флан-

ге оказались коммунисты, делавшие заявку на роль могильщиков капитализма и строителей нового, социалистического общества. Прорваться к власти в Западной Европе им не удалось, несмотря на предпринятые попытки революций в ряде стран. Естественно, они рассматривали, особенно в первые десятилетия после Октябрьской революции, на превращение в массовые партии, но этого им удавалось добиться только там, где развитие капитализма было осложнено сохранением множества пережитков предшествующих эпох.

Незадолго до Второй мировой войны левым удалось даже добиться власти в Испании, но противоречивая по своим конкретным результатам испанская революция была задавлена в результате интервенции фашистских стран. Во второй половине XX в. реальной силой левые были в ряде стран Латинской Америки, а в Западной Европе это были только Италия и Испания, да еще Франция, где успеху коммунистов способствовало сохранение традиций якобинства.

В подавляющем большинстве развитых стран Европы основной левой силой стали социал-демократические (или социалистические) партии, взявшие на себя миссию отстаивания социальных интересов массовых слоев общества. На пути к завоеванию важного места в политической системе они должны были формально или фактически отказаться не только от марксизма, но и от революционных претензий, последовательно придерживаясь реформистского пути. Идеологическим основанием “демократического социализма” стали христианская этика, гуманизм и классическая философия. Социал-демократические партии середины XX в. смогли выдвинуть таких крупных политических деятелей, как В. Брандт, У. Пальме, Б. Крайский.

В итоге в основных странах Западной Европы сложилась двухпартийная (или двухкоалиционная) система, в которой правые партии выражали прежде всего экономические интересы господствующего класса, а левые — непосредственные социальные интересы масс [2, с. 86]. Ставший характерным для обоих лагерей отказ от революционаристских и реакционных крайностей превратил их в лево- и правоцентристские. Западноевропейская партийная система сблизилась с той, которая существовала в Соединенных Штатах Америки, где ротацию правоцентризма и левоцентризма обеспечивали республиканская и демократическая партии. Центризм в обоих случаях означал признание существующего строя, сохранение стабильности и конституционных прав и свобод.

Надеждой классических левых оставалась Латинская Америка. В 60-е годы XX в. их знаменем стала революционная Куба, по следам

которой пытались в тот или иной краткий период двинуться некоторые другие страны того же континента. Именно революционные, а не реформистские формы борьбы были в то время взяты на вооружение многими латиноамериканскими левыми.

Необходимо вспомнить, какие социальные и политические факторы общего значения определили подобный ход эволюции левого фланга партийной структуры.

ПРИЧИНЫ ЭВОЛЮЦИИ

Существует ряд причин, действие которых ограничило после Второй мировой войны ареал распространения и влияния радикальных левых сил и определило развитие в европейских странах феномена левоцентризма.

Весьма существенное влияние на партийную систему оказало восприятие западноевропейской общественностью практики стран, где радикальные левые пришли к власти. В первый период “строительства социализма” приукрашенная советской пропагандой действительность СССР вызвала довольно широкое сочувствие на Западе, и даже посещавшие нашу страну крупные деятели европейской культуры (Б. Шоу, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер) могли в основном с одобрением отнестись к происходящему в ней [3]. Критический отзыв А. Жида [4] был скорее исключением. Подвиг советского народа в войне с гитлеризмом еще более возвысил оценки, которые давала “первой стране социализма” западноевропейская общественность. Но послевоенная действительность, в том числе холодная война и навязывание восточноевропейским странам марионеточных режимов, стала быстро менять отношение к Советскому Союзу. Коренной перелом произошел после XX съезда и разоблачения преступлений сталинского режима.

В 70–80-е годы XX в. уже лишь латиноамериканские левые весьма разной численности и почти незаметные в большинстве западноевропейских стран коммунистические партии твердо ориентировались на КПСС, да и то для партий Латинской Америки гораздо большее значение имел опыт Кубы и других стран своего континента, пытавшихся вступить на революционный путь. Что касается массовых коммунистических партий Франции и Испании, их отношение к опыту СССР чем дальше, тем больше становилось сдержанным. Итальянская же компартия в 80-е годы, руководимая Э. Берлингуэром, начала прямо отмежевываться от этого опыта, подчеркивая, что вопросы демократии, прав человека, международных отношений должны ставиться иначе [5]. Созвать международное совещание компартий —

привычная форма координации их политики — в 80-е годы было уже невозможно.

Но опыт российской революции был усвоен и правящими классами развитых стран. Социальные реформы и пропагандистские усилия советской власти (а в какой-то мере, и опыт фашизма) заставили эти классы понять необходимость социальной политики, учитывающей интересы массовых слоев общества [6, с. 115]. Уже в 30-е годы этот поворот в Соединенных Штатах осуществил президент Рузвельт. В послевоенной Западной Европе такую роль сыграли левоцентристские партии. Но не чужды социального реформизма были и “буржуазные” правоцентристские партии, которые, как и их более левые оппоненты, все чаще становились “партиями для всех” (*catch-all-parties*).

Складывание в Западной Европе “социального государства” (“государства благосостояния”) вкуче с другими факторами — экономическими (быстрый технологический прогресс в промышленности, бурное развитие сферы услуг) и международно-политическими (возникновение большого отряда развивающихся стран) — стимулировало перемещение значительной части промышленного производства в менее развитые страны и изменение социального состава населения развитых стран. Достигнутая благодаря техническому прогрессу экономия живого труда и начавшаяся в западноевропейских странах деиндустриализация вызвали значительное сокращение удельного веса в населении пролетариата и полупролетариата, считавшихся наиболее адекватной социальной базой антикапитализма и левых партий. В Германии за последние 50 лет доля традиционного типа рабочих уменьшилась с половины до одной четверти населения [7]. В ряде стран это сокращение было еще более заметным.

Происходит и размывание пролетарской субкультуры. “Тяжелая промышленность исчезла, традиционное классовое сознание ослабло... Базовые левые идеалы равенства, солидарности и государственного протектирования выглядят несвоевременными” [8]. В промышленности высоких технологий, получившей мощное развитие в сфере услуг, занят сравнительно немногочисленный слой квалифицированных рабочих, заработки которых относят их скорее к *среднему классу*, а вспомогательные операции выполняют работники низкой квалификации, нередко частично или временно занятые. Этот так называемый прекариат разобщен, атомизирован и нередко люмпенизирован. “Традиционный рабочий класс, такой, каким мы его представляли со времен Генри Форда, больше не существует” [9]. Зато все эти процессы привели к росту среднего класса, ставшего опорой централизма как правого, так и

левого толка. В этом заключалась еще одна, не менее важная причина сужения ареала влияния радикальных левых сил.

ОТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА — К ПОВОРОТУ ВЛЕВО

В Латинской Америке во второй половине XX в. малоудачный опыт мексиканской революции, крушение революционных режимов в Чили и Никарагуа, поражение левых сил, опиравшихся в большей части стран Южной Америки в основном на радикальные интеллигентские слои, постепенно привели к изоляции Кубы как единственного и не слишком убедительного примера преимуществ последовательной левой стратегии. В 80–90-е годы у власти в Бразилии, Аргентине, Чили, Боливии, Колумбии и ряде других стран континента находились правые партии, осуществившие поворот к неолиберальной политике. Он принес известную демократизацию — там, где до этого, как в Чили и Бразилии, существовали диктатуры, — принес ускорение экономического развития, но при этом привел к ухудшению положения основной массы населения.

Наступление правых в Латинской Америке сочеталось с поворотом в развитых странах к неоконсерватизму, начавшимся в конце 70-х — начале 80-х годов. Дальнейшее развитие “социального государства” все больше ощущалось буржуазными кругами как обременение государства и акторов производства, стеснение последовательной “рыночной” политики, стимулирование переноса производственной активности в менее развитые страны. Укрепление ТНК в крупнейших государствах развитого мира дало опору для правого, неолиберального поворота в политике, олицетворяемого такими деятелями, как М. Тэтчер и Р. Рейган.

Этот поворот был поддержан не только верхушкой общества, но и немалой частью значительно выросшего среднего класса, прежде всего его предпринимательских кругов. Начавшийся в последние десятилетия XX в. процесс глобализации укреплял тенденции к “свободному действию рыночных законов” поверх государственных границ. “Экономическая глобализация как таковая, — подчеркивал виднейший немецкий социолог и политолог У. Бек, — не есть механизм, не есть нечто самодвижущееся, это всецело политический проект, причем проект транснациональных акторов, институтов и совещательных коалиций — Всемирного банка, ВТО, ОЭСР, мультинациональных предприятий, а также других международных организаций, которые проводят неолиберальную экономическую политику” [6, сс. 209–210]. Расширяя и уплотняя сферу мирохозяйственных связей и

повышая роль ТНК, глобализация “подрывает регулятивные возможности национального государства, вынуждая его во все возрастающей степени считаться с теми же ТНК и положением дел в других странах” [10, с. 32].

На рубеже 80–90-х годов произошел крах советского коммунизма, распад СССР и “социалистического” блока государств. Коммунизм как альтернатива был окончательно дискредитирован. Еще “вчера” бывшие массовыми компартии Франции и Испании превратились, наподобие других европейских компартий, в ничтожные величины, а наиболее влиятельная в недавнем прошлом Итальянская коммунистическая партия, сменив наименование, пережив ряд расколов и объединений с некоммунистическими левыми, стала Демократической партией, членом Социалистического Интернационала.

В то же время процесс поправления переживал и сам Социал-демократизм. Социал-демократы старого толка, приверженцы активной социальной политики, чем дальше, тем больше превращались в глазах общественности в ретроградов, препятствующих осуществлению неолиберального курса. На рубеже XX–XXI вв. в социал-демократических партиях Европы идет лихорадочный поиск новых поворотов стратегической линии, способных вывести левоцентристский сектор партийной системы из кризиса и придать свежее дыхание социал-реформистской политике.

Такое обновление левоцентризма смог на какое-то время осуществить лидер британских лейбористов Т. Блэр. В отличие от многих других деятелей социал-демократии, пытавшихся своим политическим курсом опровергнуть догмы неолиберализма, Блэр, отправляясь от идей Э. Гидденса [11], выступил за синтез неолиберальных и социал-реформистских подходов. Такой синтез он видел в сочетании свободного предпринимательства и адресной социальной политики, все больше использующей усилия не столько государства, сколько гражданского общества [12, 13].

Подход “новых лейбористов”, поддерживающий индивидуальную инициативу, но отрицающий социальную ответственность государства, был использован и социал-демократическими партиями других стран. Вслед за отказом от требований смены общественной системы, от революционных методов произошел и отход социал-демократов от борьбы за всеобщее равенство, замененное в их толковании социальной справедливости равенством возможностей. Фактически речь шла о переходе на леволиберальные позиции. Несмотря на формальные упоминания в речах и программах термина “демократический социализм”, даже туманная социалистическая перспектива исчезла из идеологии социал-демократии.

Такой поворот отвечал интересам и соответствовал настроениям значительной части средних слоев, в первую очередь мелких и средних предпринимателей, разочарованных неолиберальным курсом правых правительств, от которого выигрывали прежде всего крупные предпринимательские структуры. В самом конце XX и начале XXI в. социал-демократы сумели на короткое время вернуться к власти не только в Великобритании, но и в Германии (правительство Г. Шредера), а несколько позже – во Франции (президент Ф. Олланд) и Италии (премьер-министр М. Ренци).

Но левый сектор партийной системы в эти годы прорвался к власти не только в важнейших странах Западной Европы, но и в Латинской Америке. В конце XX в. главной социальной базой левых здесь стала бедняцкая, полупролетарская масса, серьезно пострадавшая от неолиберального курса правых и правоцентристских правительств, преобладавших на континенте в предыдущее десятилетие. Ликвидация диктатур и возможности, предоставляемые наличием всеобщего избирательного права, сделали анахронизмом вооруженные формы борьбы левых за власть (что ясно показала многолетняя партизанская война в Колумбии). Мирным, парламентским путем, через выборы, левые силы приходят к власти в Венесуэле (1999 г.), Чили (2000 г.), Бразилии (2002 г.), Аргентине (2003 г.), Уругвае (2004 г.), Боливии (2005 г.). “Левый поворот” с 1998 по 2017 гг. охватывал девять из десяти государств Южной и шесть из десяти стран Центрально-Карибской Америки [14, с. 90].

Однако пребывание у власти левых, как и почти одновременный успех левоцентристов в Западной Европе, стало не слишком удачным.

ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕВОЙ ПОЛИТИКИ

К середине 10-х годов XXI в. почти во всех странах Западной Европы левоцентристы, основная сила на левом фланге партийной системы, оказались в трудном положении. Социал-демократы Скандинавии, которые долгое время были, казалось, непререкаемыми лидерами в своих странах, уже на рубеже веков начали терпеть одно поражение за другим и почти везде оказались в оппозиции. Модель скандинавского “демократического социализма” в условиях глобализации стала неконкурентоспособной, и социал-демократы начали вносить поправки в духе неолиберализма [15, сс. 132–133].

Такие же поправки (уменьшение расходов на образование и здравоохранение, сокращение поддержки социально слабых слоев) в интересах преодоления экономических труд-

ностей стала вносить в свою политику и социал-демократическая партия Германии, что привело к выходу из ее рядов значительного числа членов. Потерпев электоральное поражение в 2005 г., СДПГ превратилась в младшего партнера христианских демократов по правительственной коалиции и продолжала терять голоса на последующих выборах. В 2017 г. ее результат был наихудшим за всю послевоенную историю (20.5%) [16].

Во Франции в период пребывания у власти президента-социалиста Ф. Олланда (2012–2017 гг.) рейтинг партии быстро скатился до самых низких за всю историю значений (11% в ноябре 2016 г.) [17]. Стремясь стать президентом всех французов, Олланд тем не менее настроил против себя подавляющее большинство населения. Либерализация трудовых отношений не привела, как было обещано, к ликвидации безработицы, но вызвала серьезное недовольство лиц наемного труда. В то же время налог в 75% на доходы сверхбогатых (свыше 1 млн евро в год) привел к отливу капитала из Франции. Не смог Олланд предотвратить и исламистский терроризм. А неуклонное следование за США во внешней политике также вызывало протесты. В президентских выборах 2017 г. социалистическая партия уже не решилась выдвинуть кандидатуру Олланда, а ее официальный кандидат Б. Амон набрал всего 6.36% голосов [18] – наихудший результат ФСП за всю ее историю. На парламентских выборах в том же году она получила 7.44% в первом туре и 5.68 – во втором [19].

Кратковременный успех ожидал в 2013–2014 гг. и итальянскую левоцентристскую Демократическую партию. Он был связан с приходом на пост секретаря и премьер-министра сравнительно молодого лидера – Маттео Ренци. Он пытался расширить социальную базу партии за счет центра, но, не сумев удержать при ней новых избирателей, стал терять поддержку ее левой части. Из реформ Ренци закрепился лишь так называемый *Jobs Act* – либерализация трудового законодательства. Широко разрекламированное усовершенствование и укрепление государственных институтов (конституционная реформа и обновление избирательной системы) потерпели провал на референдуме 2016 г., вынудивший Ренци уйти в отставку с поста премьер-министра. А парламентские выборы 2018 г. ознаменовались полным поражением Демократической партии, занявшей всего лишь 3-е место. За нее проголосовала только половина избирателей, отдавших ей голоса в 2013–2014 гг. Единственной социальной группой, в которой демократы обогнали своих соперников, оказались пенсионеры¹.

¹ *L'Espresso*, 09.04.2018.

Накануне 1 мая 2018 г. виднейшая итальянская газета отмечала: “Это будет первый Первомай без левой партии. В течение более чем века мир труда имел свою партию, парламентское представительство, но после 4 марта [день парламентских выборов – К.Х.] ее уже нет. Демократическая партия – сила, наиболее близкая к этому миру хотя бы по своему историческому происхождению, – больше его не представляет и даже не стремится к этому, в годы пребывания у власти скорее стараясь превратиться в партию для всех, в партию средних слоев, партию нации, так что ее левая часть ушла из нее” [20].

Испанская социалистическая рабочая партия, решительно отказавшаяся от своих революционных позиций середины XX в. и находившаяся у власти в 1982–1996 и в 2004–2011 гг., в 2010-е годы на парламентских выборах терпела поражение за поражением, потеряв почти половину голосов по сравнению с победными для нее выборами 2008 г.

Такое совпадение во времени неудач левоцентристских партий во всех крупнейших странах Западной Европы, конечно, невозможно считать случайным. Совмещение неолиберальной и социал-реформистской политики оказывается не слишком удачным. Коренную причину этого феномена, очевидно, следует искать в дальнейшем развитии процесса глобализации, все более затрудняющем реализацию левоцентристского курса.

Интернационализация экономических процессов, создание трансграничных производственных цепочек не отменяли национальных интересов. Ужесточающаяся в условиях растущих наднациональных и транснациональных связей международная конкуренция государственных сообществ за возможно более выигрышные места в международном разделении труда властно диктовала элите ограничение социальной политики, “отвлекавшей” средства от решения чисто экономических задач. Противоречия между экономической и социальной политикой меньше чувствовались в период благоприятной конъюнктуры, но они резко усилились с ее ухудшением в последнее десятилетие. Правоцентристская политика получала таким образом солидную фору, а от сужения фонда социальных благ начинали страдать не только низшие слои общества, но и средний класс, многие представители которого в недавнем прошлом поддерживали левоцентристов.

Что же происходит в Латинской Америке, во многих странах которой в прошлое десятилетие пришли к власти не левоцентристы, а настоящие левые? Образцом для “ибероамериканских” стран становится Бразилия, где при пре-

зидентстве Лулы (2003–2010 гг.) и Д. Руссефф (2011–2016) проводится целый ряд реформ. Их суть заключается в сопряженности социальной политики с политикой ускорения экономического роста [21, с. 127]. Постоянное повышение минимальной заработной платы сочеталось с активным стимулированием инвестиций, увеличение занятости — с сохранением результатов приватизации, проведенной предыдущими правительствами. Такая же, по сути левоцентристская, политика проводилась в Уругвае, а в Бразилии — несколько более радикальная, но ограниченная бедностью страны, да и горизонтом современного миропорядка, определяемого “силовым полем процессов глобализации, прежде всего финансовой” [22, с. 29], и поэтому также не устранявшая коренных противоречий существующей системы. Эти противоречия и не могли быть быстро устранены при том уязвимом, зависимом положении, которое Латинская Америка все еще, несмотря на экономические успехи ряда ее стран, занимает в “концерте” конкурирующих стран и регионов.

Тем не менее левоцентристские реформы левых правительств порождали завышенные ожидания. В Бразилии возникло острое противоречие между прорвавшимися к современному уровню развития регионами, где активным субъектом преобразований становилось укрепившееся гражданское общество, и отсталым Северо-Востоком. Выросший в результате реформ средний класс предъявлял запрос на повышение качества жизни, который не мог быть немедленно удовлетворен. Огромное недовольство вызывал рост коррупции. Сложность положения заставляла левое правительство идти на сотрудничество с правыми. В 2016 г. манифестации среднего класса, поддержанные частью бедноты, привели в конце концов к импичменту президента Руссефф и переходу власти к правоцентристам.

Но за год до этого левые силы потерпели поражение на выборах в Аргентине, а в 2017 г. — в Чили. Серьезные трудности и ограничения испытывают и в других латиноамериканских странах левые правительства, которые проводят левоцентристскую политику. Падение власти левых, произошедшее в трех важнейших странах континента, неминуемо отразится на будущей судьбе этих правительств.

Может быть, выход заключается в проведении более решительной левой, “антисистемной” политики? Опыт Венесуэлы опровергает такое предположение. Президент У. Чавес (1999–2013 гг.), который придерживался антиимпериалистической идеологии, ориентировался на Кубу и провозгласил “боливарианскую социалистическую революцию”, провел широкую национализацию и осуществил це-

лый ряд реформ в интересах массовых слоев населения. Эксплуатация нефтяных месторождений и личная харизма Чавеса помогли ему выдерживать сопротивление, которое вызывала его политика. Но к концу правления инфляция и другие экономические трудности стали быстро нарастать, а при его преемнике, Н. Мадуро, не обладавшем харизмой прежнего лидера, Венесуэла погрузилась в глубину тяжелого экономического и политического кризиса, из которого не видно выхода.

КРИЗИС ЛЕВОЦЕНТРИЗМА

Можно предположить, что трудности, встретившиеся на пути левой и левоцентристской политик в странах Запада, носят временный характер. Известен феномен политических “качелей” (прежде всего в Европе), лежащий в основе ротации власти, когда перекося в сторону социальной политики (левоцентризма), наносящий урон экономическим интересам, выправляется в результате прихода к власти правоцентристских сил, и наоборот. В этом случае можно ожидать спустя некоторое время реванша левоцентристов, как, собственно, и происходило до сих пор. Однако существуют серьезные аргументы, заставляющие думать, что на этот раз кризис затрагивает существо левоцентристского курса.

Первый из них — совпадение во времени поражений левоцентризма во всех основных странах Западной Европы, которое вряд ли носит случайный характер. Но совпадает во времени и провал левоцентризма в Бразилии, Аргентине и Чили, который, похоже, повлечет за собой и общий кризис *левой* (скорее, тоже левоцентристской) политики в Латинской Америке. Наконец, серьезнейшим аргументом против обратного движения политических “качелей” является выход на политическую арену Европы такого мощного соперника левоцентристов, каким выступает сейчас популизм.

В Латинской Америке популистский компонент (выступление политиков от имени “рядовых членов общества”, простые решения, предлагаемые для сложных проблем) в XX в. присутствовал во многих диктаторских режимах, как левых, так и правых. Но к началу XXI в. он уже вызвал значительное разочарование и пришел в упадок [23]. Возможно, это обстоятельство несколько ослабит там кризис левой политики.

В США и Европе в настоящее время популизм, напротив, переживает подъем. В таких бывших “социалистических” странах, как Польша и Венгрия, популистские силы пришли к власти. Радикальные популистские партии не только появились, но и добились серьезных

успехов почти во всех странах Западной Европы. Их козырями стали протест против массового нашествия инокультурных иммигрантов, недовольство бюрократически выстроенной интеграционной политикой администрации ЕС, но в немалой степени — и протест против отчуждения “рядового человека” от партийной элиты, все более превращающейся в замкнутую касту. Популистские партии противопоставили традиционной вертикальной партийной структуре (лидеры — кадры — членская масса — избиратели) горизонтальную, сетевую структуру, максимально использующую современную коммуникационную технику. Идеи популизма часто поддерживаются отнюдь не лузерами или безработными, но представителями среднего класса или его низшего слоя, которые беспокоятся о своем будущем [24, р. 21].

Отрыв партийной верхушки от “простых людей” больно ударил прежде всего по левому флангу партийной структуры, массовая база которого в немалой степени состояла именно из такого рода оппозиционного истеблишменту электората. В Великобритании настроения рядовых членов лейбористской партии и особенно избирателей, утрачивающих доверие к партийной верхушке, выразились в избрании партийным лидером “нетрадиционного политика” Дж. Корбина, который всячески подчеркивает свою близость к рядовым британцам (например, ездит в парламент на велосипеде)² и пытается возродить левые, социалистические традиции лейборизма. Корбин — противник НАТО, поклонник У. Чавеса и сторонник признания Крыма российским. 140 лейбористских парламентариев (из 212) отказали Корбину в поддержке³, однако среди оппозиционных избирателей пока сохраняются симпатии к нему, что подтвердили итоги парламентских выборов 2017 г. (увеличение голосов, поданных за лейбористов, на 9.5%)⁴.

Протест против политического истеблишмента не чужд и консервативной массе, что доказывает как феномен Трампа, так и появление в Европе правопопулистских сил. Впрочем, применительно к популистским партиям, и особенно к их электорату, термины “правый” и “левый” звучат довольно условно. Евроскептические, антииммигрантские мотивы часто присутствуют в программах как тех, так и других. Итальянское популистское “Движение пяти звезд” (ДПЗ) даже объявило устами своего основателя, что оно не правое и не левое, оно “выше” такого деления [25]. На парламентских выборах в марте 2018 г. Демократическая партия потеряла значительную часть

своего электората, отдав ее главным образом ДПЗ [26]. Правопопулистская “Альтернатива для Германии” наибольших успехов добилась на территории бывшей ГДР, где еще недавно было сильнее, чем в основной части страны, влияние левых. В Саксонии правые популисты заняли первое место, в остальных областях бывшей ГДР — второе [27].

Подъем популистского движения имел прямое отношение к феномену глобализации. В нем воплотился протест против того пренебрежения национальными интересами, которое нередко было следствием неолиберального космополитического толкования, придаваемого глобализационным процессам лидирующими в мировой экономике государствами и транснациональными корпорациями. Поэтому “существует род естественной симпатии между популизмом и национализмом” [28, р. 52]. Новый национализм стал серьезной помехой для функционирования и дальнейшего развития Европейского союза, но одновременно он стал и одним из проявлений кризиса леволиберальных идей в Европе.

Рост популярности “несистемных”, в основном популистских, партий разрушает долгое время существовавшую двухпартийную (или двухкоалиционную) политическую структуру, в которой господствовали центристские силы, попеременное пребывание которых у власти, слегка обновляя существующую систему, вместе с тем обеспечивало сохранение ее основ [29]. Трудной проблемой стало даже формирование правительства после очередных выборов. В Бельгии и Испании этот процесс затягивался на год.

В Италии после выборов 4 марта 2018 г., принесших наибольший успех среди конкурировавших партий “Движению пяти звезд”, складывается еще более сложная ситуация. Меняется весь расклад политических сил, ставятся под вопрос привычные взаимоотношения между партиями и избирателями. Бывший президент Дж. Наполитано, открывая первую сессию новой Палаты депутатов, сказал, что налицо “серьезное изменение в отношении итальянцев к политике, голосование, которое подорвало уверенность и опрокинуло ожидания политических сил, давно укорененных в институциональной и правительственной структуре, и поставило под вопрос долгое время преобладавшие традиции, взгляды, чувства”⁵.

Напрашиваются два варианта выхода из этой ситуации или, вернее, корректировки политического процесса с учетом резко изменившегося соотношения сил. Один из них — коалиционное правительство всех центристских партий, что, по-видимому, исключает практику

² *The Guardian*, 17.06.2016.

³ *The Guardian*, 28.06.2016.

⁴ *The Guardian*, 09.06.2017.

⁵ *Corriere della Sera*, 01.04.2018.

“качелей”, работающую на обновление авторитета одной из политических сил путем временного пребывания ее в оппозиции. В реальности это выльется в повторение германской ситуации, когда левоцентристская сила, играя роль младшего партнера, потерпит наибольшие потери от пребывания в правительстве.

Другой вариант – постепенное превращение популистских партий из “антисистемных” в составную часть системы, что уже произошло в Дании и Норвегии, а в декабре 2017 г. к ним присоединилась и Австрия, где в новое правительство вместе с правоцентристской Народной партией (АНП) вошла радикальная правая Партия свободы (АПС). Не случаен тот факт, что если в 2000 г. коалиция австрийских правоцентристов с крайне правыми вызвала озабоченность партнеров Австрии, то включение АПС в правительство в 2017 г. уже никакой озабоченности не вызвало [30, р. 24]. А это означает, что некоторые популистские положения программы АПС получают согласие АНП, а в будущем, возможно, и будут взаимостроены правоцентристскими партиями в других странах, как это случалось прежде с некоторыми социальными требованиями левой оппозиции. Италия – первая из крупнейших стран Западной Европы, где сейчас складывается похожая ситуация.

Это означает также, что последствия кризиса левой политики и подъема популизма в Европе и США не ограничиваются размыванием двухпартийной системы и трудностями с формированием правительств. Создаются предпосылки корректировки политического курса многих государств Запада, по крайней мере частичного их отхода от тех либеральных позиций, которые долгое время были признанными ориентирами для всех правительств. Не исключены и изменения институционального характера. Сдвиг такого рода не может не сказаться в недалеком будущем и на латиноамериканских странах.

* * *

Рост взаимозависимости и трансграничных экономических связей в процессе глобализации не устраняет национальных интересов. Каждая из стран-конкурентов заинтересована занять наиболее выигрышные позиции в сложившемся международном разделении труда. Обострение экономических проблем, связанное с неолиберальным истолкованием процессов глобализации, затрудняет удовлетворение массовых социальных интересов, осуществление леволиберальной, социал-демократической политики, особенно в условиях экономических трудностей последнего десятилетия. В странах Западной Европы эти проблемы ставят под вопрос сохранение, а в Латинской Америке – создание ос-

нов “социального государства”. Традиционные левые и левоцентристские партии испытывают кризис, их социальная база сужается, в том числе по причине размывания среднего класса.

В результате в западноевропейских странах не только нарушается сложившийся механизм политической ротации и частичной корректировки правительственного курса, но в результате подъема популистского движения создаются условия для качественных изменений самого политического курса, отказа от последовательного осуществления центристской политики в духе либерализма. Популизм ведет к размыванию четкой границы между левым и правым политическим курсом, ставит под вопрос сохранение прежней партийной структуры западного общества.

Кризис левой политики обнаруживается и в Латинской Америке. Те глобальные процессы, которые осложнили осуществление левоцентризма в Западной Европе, еще сильнее сказываются на более слабой и противоречивой экономике стран латиноамериканского континента. Они не только заставили левые правительства сузить масштаб своих реформ, но и выявили неоднородность социальной базы, на которую они опираются, что послужило причиной слабости их власти, а в основных странах региона – и падения левых правительств. Похоже, что в условиях глобальной взаимозависимости Латинская Америка продолжает наметившуюся в прошлом веке традицию ускоренного повторения западноевропейской эволюции.

Возникшее два с лишним века назад в западных странах деление политического корпуса общества на правых и левых постепенно теряет определяющее значение. Уже возникновение и выдвижение на первый план централизма разных оттенков уменьшило дистанцию между двумя лагерями, оттеснило “чистых” правых и левых на второстепенные позиции, позиции аутсайдеров. Подъем популизма способствовал размыванию определенности понятий “левизны” и “правизны”. Решающим принципом при разработке политических программ, и особенно при осуществлении реальной политики, становятся прагматические соображения, сочетание интересов и настроений тех или иных блокирующихся между собой общественных групп и слоев. Практика показывает, что это не только не упростило, но, наоборот, значительно осложнило политический процесс.

Новые перспективы перед левой (или левоцентристской) политикой могли бы появиться при изменении характера глобальных процессов, преодолении их нынешней неолиберальной направленности. Но при существующем сейчас в мире соотношении сил это крайне маловероятно. Для такого поворота и сами левые силы должны были бы претерпеть серьезные изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Майданик К.Л. Четвертая волна. О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева. *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 11, сс. 27-38. [Maidanik K.L. Chetvertaya volna. O novom tsikle sozjal'no-politicheskogo razvitiya Latinskoi Ameriki. Vzglyad sleva [The Fourth Wave. On New Cycle of Social and Political Development in Latin America. Left view]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006, no. 11, pp. 27-38.]
2. Холодковский К.Г. *Самоопределение России*. Москва, РОССПЭН, 2013, сс. 83-88. [Kholodkovskii K.G. *Samoopredelenie Rossii* [Russia's Self-Determination]. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 83-88].
3. Стерн Л. *Западная интеллигенция и Советский Союз, 1920–1940 годы*. [Stern L. *Zapadnaya intelligentsiya i Sovetskii Soyuz, 1920–1940 gody* [Western intelligentsia and the Soviet Union, 1920–1940.]] Available at: <https://www.australianmosaic.com.au/stem.bock> (accessed 01.03.2018).
4. Gide A. *Retour del'URSS suivi de Retouches a mon Retour de l'URSS*. Paris, Gallimard, Folio, 2009. 212 p.
5. Pons S. *Berlinguer e la fine del comunismo*. Torino, Einaudi Storia, 2006. XXVI-266 p.
6. Бек У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. Москва, Прогресс-Традиция, 2001. 304 с. [German edition: Beck U. Was ist Globalisierung? Irrtuemer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. Frankfurt/Mein, Suhrkamp. 270 S.]
7. Pauli M. The Crisis of the European Left: Are Social-Democrats still alive? *Der Spiegel*, 10.01.2018. Available at: <http://www.voxeurop.eu/en/2018/social-democracy-crisis-5121747> (accessed 02.03.2018).
8. Rovny J. *What happened to Europe's Left?* Available at: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2018/02/20/what-happened-to-europes-left/> (accessed 02.03.2018).
9. *Does the Left have a Future?* Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2016/sep/06/does-the-left-have-a-future> (accessed 03.03.2018).
10. Эльянов А.Я. Развивающиеся страны в тенетах глобализации. *Третий мир спустя полстолетия*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013, сс. 29-46. [Elyanov A.Y. Razvivayushchiesya strany v tenetakh globalizatsii [Developing countries in the grip of globalization]. *Tretii mir spustya polstoletiya* [Third World: half century later]. Moscow, IMEMO, 2013, pp. 29-46.]
11. Giddens A. *The Third Way: the Renewal of Social Democracy*. Cambridge, Polity Press, 1998. 166 p.
12. Перегудов С.П. Тони Блэр. *Вопросы истории*, 2000, № 1, сс. 64-82. [Peregudov S.P. Toni Bler [Tony Blair]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 1, pp. 64-82.]
13. Громько Ал.А. Тони Блэр: десять лет во главе Британии. *Современная Европа*, 2007, № 3. [Gromyko Al.A. Tony Bler: desyat' let vo glave Britanii [Tony Blair: Ten Years in Charge of Britain] *Sovremennaya Evropa*, 2007, no. 3.] Available at: <http://www.gromyko.ru/Russian/Brit/brit24.htm> (accessed 04.03.2018).
14. Пятаков А. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации. Взгляд сквозь XXI век. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, том 62, № 1, сс. 85-93. [Pyatakov A. Latinoamerikanskie podhody k probleme globalizatsii. Vzgrad skvoz' XXI vek [Latin American Approaches to Globalization Problem: A Look through the 21st Century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no.1, pp. 85-93.]
15. Гришин И. Социал-демократическая модель общественного развития: размывание наследия. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. Т. II. Москва, ИМЭМО РАН, 2014, сс. 132-147. [Grishin I. *Sozial-demokraticeskaya model' obshchestvennogo razvitiya: razmyvanie naslediya* [Social Democratic Model of Social Development: Erosion of Heritage]. *Globalnyi mir: k novym modelyam natsionalnogo i regionalnogo razvitiya* [A Global World: Emerging Models of National and Regional Development]. Vol. II. Moscow, IMEMO, 2014, pp. 132-147.]
16. *Bundestagswahl 2017*. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Bundestagswahl_2017 (accessed 05.03.2018).
17. *Hollande reyting en 2016*. Available at: <https://ria.ru/world/20161202/1482736115.html> (accessed 06.03.2018)
18. *Election presidentielle francaise de 2017*. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lection_pr%C3%A9sidentielle_fran%C3%A7aise_de_2017 (accessed 08.03.2018).
19. *Elections legislatives francaises de 2017*. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lections_1%C3%A9gislatives_fran%C3%A7aises_de_2017 (accessed 08.03.2018).
20. Polito A. La festa senza sinistra. *Corriere della Sera*, 29.04.2018.
21. Красильщиков В.А. Бразилия и Россия: различные траектории развития? *Современные проблемы развития*. Вып. II. Том 2. Москва, ИМЭМО РАН, 2016, сс. 115-129. [Krasilshchikov V.A. Braziliya i Rossiya: razlichnye traektorii razvitiya? [Brasilia and Russia: different paths of development?] *Sovremennye problemy razvitiya*. Вып. II. Том 2. [Contemporary Problems of Development. Iss. II. Vol. 2.] Moscow, IMEMO, 2016, pp. 115-129.]
22. Майданик К.Л. “Четвертая волна” (О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева). *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 12, сс. 24-30. [Maidanik K.L. “Chetvertaya volna” (O novom tsikle sotsial'no-politicheskogo razvitiya Latinskoi Ameriki. Vzglyad sleva) [The Fourth Wave. (On New Cycle of Social and Political Development in Latin America. Left view)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006, no. 12, pp. 24-30.]

23. Популизм в Латинской Америке. [Populism in Latin America (In Russ.)]. *Realist. online*. Available at: <https://realist.online/article/populism-v-latinskoj-amerike-uzhe-ne-tot> (accessed 10.03.2018).
24. Neumann P.R. *Political Extremism in European Liberal Democracies: A Summary of Drivers, Dynamics and Responses. Conference Reader: Reflections, Assesments, Proposals*. ECTR Round Table 5-7.03. 2018.
25. Холодковский К.Г. Кризис парламентской демократии. *Глобальный мир: К новым моделям национального и регионального развития*. Т. 2. Москва, ИМЭМО РАН, 2014, сс. 174-187. [Kholodkovskii K.G. Krizis parlamentskoi demokratii [The Crisis of Parliamentary Democracy]. *Globalnyi mir: K novym modelyam naziona'nogo i regional'nogo razvitiya* [A Global World: Emerging Models of National and Regional Development]. Vol. 2. Moscow, IMEMO, 2014, pp. 174-187.]
26. Elezioni politiche 2018. *La repubblica.it*, Available at: <http://www.repubblica.it/speciali/politica/elezioni2018/> (accessed 11.03.2018).
27. *Объявлены результаты выборов в Германии: в бундестаг прошли шесть партий*. [Announced the results of elections in Germany: the Bundestag held six parties (In Russ.)] Available at: https://www.newsru.com/world/25sep2017/germany_3.html (accessed 25.09.2017).
28. Ferrer G.G. *Enlightenment and Populism: the Quest for European Identity. Conference Reader: Reflections, Assesments, Proposals*. ECTR Round Table 5-7.03.2018.
29. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. *Политические исследования. Полис*, 2018, № 2, сс. 130-149. [Sergeev V.M., Kazanzhev A.A., Petrov K.E., Medvedeva S.M. Krizis partynno-politicheskoy sistemy v SShA i stranakh ES: prichiny i kharakteristiki [The crisis of the party-political system in the USA and EU countries: causes and characteristics]. *Politicheskie issledovaniya (Polis)*, 2018, no. 2, pp. 130-149.]
30. Betz H.-G. *The Radical Right-Wing Populist Challenge to Liberal Democracy. Conference Reader: Reflections, Assesments, Proposals*. ECTR Round Table 5-7.03.2018.

THE CRISIS OF THE LEFT POLICY

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 26-35)

Received 10.05.2018.

Kirill G. KHOLODKOVSKII (holgrig@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is devoted to one of the main aspects of the left sector evolution in the political space of Western countries. Having arisen during the French Revolution of the 18th century, the division of political space into the left and the right spilled over to all countries of Europe and America. However, this division changed significantly hereafter under the influence of complicated social processes and turbulent political events. During the 20th century, radical left forces, primarily the Communists, have sustained a variety of defeats trying to eliminate the capitalist system. Social-Democratic parties have evolved from revolutionary positions to the increasingly moderate reformism. Consequently, in the Western Europe, the left forces have yielded the pas to center-left, social-reformist parties, the two-party (two-coalition) system has emerged where center-left and center-right replaced each other in power. In Latin America, the left forces survived, but even when they took power, they were bound to conduct a center-left policy. Yet the development of globalization in neo-liberal style, while intensifying the economic competition, greatly hampered the implementation of such policy. The time coincidence of the left and center-left parties' crushing defeats in most of the Western countries is not occasional, it witnesses the crisis in their course. Lately, the situation has been dramatized significantly by emergence of influential populist parties and movements in Europe, which put the previous division into question. The leftist crisis has violated the regular rotation of political forces in power and created a background for essential changes in political course and maybe also for weakening of stability of political institutions. This situation could only be altered by the change of the present, mostly neo-liberal character of globalization processes, which is highly unlikely.

Keywords: left forces, Western Europe, Latin America, communists, social-democrats, democratic socialism, reformism, left center, rotation, globalization, T. Blair.

About author:

Kirill G. KHOLODKOVSKII, Doctor of History, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-26-35